

ДМИТРИЙ
ШВЕЛЕВ

БЕЗ
ЦАРЯ
В ГОЛОВЕ

ДНЕВНИК НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Дмитрий Невелев

Без царя в голове

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958483

ISBN 978-5-4474-0419-2

Аннотация

Герой книги – политтехнолог Сергей Тверской – первый русский хипстер. Он – современный нам Нил Кэссиди, путешественник по тюрьмам и любознательный турист в закрытой психиатрической лечебнице. Этаким потертым временем Гарри Поттер в мире маглов, лишенный по прихоти рока своей волшебной силы. Уникальная в русской литературе книга – в традициях Джека Керуака, Хантера Томпсона, Чака Паланика, Ирвина Уэлша. Чтение для всех, но для каждого индивидуума привлекательное по-своему.

Содержание

Вступление	5
Пуля виноватого найдет	9
Хотят убить «ЛИМОНКУ»	13
Свобода	14
Воины света и почитатели тьмы	16
У каждого свои недостатки	22
Новая топонимика	24
Океан времени	29
Мертвые души	35
Чума	40
Зимняя прогулка (Русская зима)	44
Бег	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Без царя в голове
Дневник настоящего
человека
Дмитрий Невелев

© Дмитрий Невелев, 2015

© Адель Вейс, дизайн обложки, 2015

Корректор Рената Хусаинова

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Вступление

Мой литературный герой – Сергей Евгеньевич Тверской, известный литератор и, по мнению левой прессы, жертва карательной психиатрии, частенько пробует реальность на зуб, как золотую монету. Настоящая ли она, эта реальность, или за ней есть какая-то другая, которая настоящая, неподдельная? Он, безусловно, здоров, потому что во всех его действиях наблюдается логика, оценки трезвы, выводы глубокомысленны. Как же этот интеллектуально здоровый человек оказывается в лечебнице специального типа для маньяков и всякой сволочи? То ли реальность подвела, то ли зубы. Но и в сумасшедшем доме герой остается верен себе и почитаемой им русской литературе, через монокль которой воспринимает окружающий мир.

Кто у нас был самым умным писателем?

– Лев Толстой.

А кто – самым страдающим?

– Федор Достоевский.

А кто был самым стеснительным персонажем русской литературы?

– Павел Иванович Чичиков, человек и в других отношениях замечательный.

Мой лирический герой ведет себя в сумасшедшем доме так, будто он и есть все они вместе взятые. Вот почему эту

книгу можно воспринимать и как исповедь, в которой могучая дубрава истин проповедника Толстого перемешана в сознании с непролазным терновником страстотерпца Достоевского и с брусничными, искрящимися, цвета наваринского пламени ароматными полянами Павла Ивановича Чичикова. Тут и там в этом фантастическом лесу стоят расписные грибочки и павильончики Государственного казенного учреждения Психиатрической больницы №5, по дворику которой неспешно прогуливаются люди в забавных пижамах с изображениями розовых слоников, голубых мартышек, небесных васильков и апельсиновых солнышек.

Тверской в байковой курточке с фиолетовыми огурцами, поглядывает на всех пристально, стесняясь быть похожим на объекты своих наблюдений. Он – сплошное стеснение.

Чего же стесняются обычные люди? Расстегнутой ширилки, казаться хуже других, бедности, стервозной жены, дебильного сына, самих себя, продажной Родины.

А мой герой стесняется своего окружения, пытается от него отстраниться, обособиться. Этаким Сократ в дурдоме, которому стыдно за весь род человеческий. Время от времени, как спасительный запах хлорки сквозит между строк: «Я-то другой, я-то вижу, я-то знаю». В чьих же глазах герой стесняется выглядеть таким как все? Перед кем? Кто за ним так бдительно наблюдает? Неужели ты, мой возлюбленный читатель?

Тверской почти ничего не пишет о себе. Но в каждом

портрете дневниковой галереи Тверского мечется его тень, как в многочисленных зеркалах, собирая воедино настоящий образ этого скромного человека – классического русского интеллигента, попавшего волей судеб в затруднительные обстоятельства. Аристократа духа, решившего обернуть зло во благо:

Мол, бумага все стерпит.

Мол, Бог терпел и нам велел.

Мол, Он за все и простит.

Родись у Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова общий сын, что вполне вероятно при современном толерантизме, им бы и был Тверской.

Сергей Евгеньевич известен также в тайном обществе российских политтехнологов как изоощренный манипулятор девственным сознанием постсоветских масс. Используя свои неординарные навыки, Тверской иногда, видимо в безудержном творческом запале, пишет обо мне, как настоящий создатель этой книги, словно не он, а я являюсь его персонажем.

Я даже подумывал обратиться к Никите Михалкову с просьбой защитить мои авторские права, благо есть общий знакомый – Дмитрий Бахур, которого кинематографический гений бил по лицу ногой, наставляя на путь истинный, за то, что тот кидался в мэтра тухлыми яйцами. Но не стал опрометчиво отрывать Никиту Сергеевича от государственных

дел, ограничившись пока устным предупреждением Тверскому. Могу же и переименовать, и вычеркнуть его вовсе. Даже сжечь вместе с рукописью, как просветленный голодом Николай Васильевич Гоголь сжег некогда второй том «Мертвых душ». Справедливости ради должен признаться, что в основу книги легли реальные дневники настоящего человека, носящего похожую фамилию. *Настоящего, в смысле живого, совпадающего с нами по времени и пространству.*

С девяностых годов прошлого века России прочили нового императора, пытались возродить монархию. Образ нового царя то возникал, то терялся в бесконечных коридорах власти и корпоративных небоскребах. Автором одного из проектов возрождения монархии в России был Тверской.

Проект всерьез изучался на Старой площади, на него даже было выделено приличное финансирование. Но до исполнителей деньги так и не дошли, растворившись в откатах и отливах. Так гибнет все самое лучшее в России – колхозы, фабрики, заводы, дороги, библиотеки, школы, пионерские лагерь, «люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя увидеть глазом – словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...» (Антон Павлович Чехов).

Дмитрий Невелев

Пуля виноватого найдет

*Я сижу на паранойе,
как червяк на перегное.
Рядом ходят воробьи,
и вороны каркают.
А я сижу-гляжу на паранойе.
Это жуткая отравка.
Как хилеют слева двое,
как подходят двое справа.
А я сижу-гляжу на паранойе,
как будто все творится не со мной.
Возвышенные лица у конвоя,
и на Кремле знакомый часовой.
Тысячелетья долбанулись лбами,
скрестили бивни в предрассветной мгле.
Я позволю своей любимой маме,
чтобы теплее стало на земле.*

Дмитрий Барабаи

Меня ищут, а я не прячусь. Ищут, чтобы убить.

Сначала семью. Хотят сделать мне больно, глупые. Семидесятидвухлетнего отца, мать-инвалида и, о горе мне, горе, бабушку, любимую сумасшедшую бабушку Марию тринадцатого года рождения, которая твердо убеждена в том, что я ее братик и мы живем в 1922 году в детском доме.

Интересно, как Мария вставит убийц в свой детский полупепет, полубред? Как комиссаров или белогвардейцев?

– Разговор есть, – скажут жуткие головорезы из видеокомиксов про Микки Рурка и Сильвестра Сталлоне.

И она расскажет им о том, как была натурщицей у скульптора Касаткиной. Да, да!

Это ее скульптурами еще совсем недавно, в тридцатые годы, был оснащен Парк культуры имени Горького.

Вот она с веслом, а вот без оно, а вот и вовсе обнаженная. Красивая и желанная для многих.

Вокзал для членов. «Я была фартовая», – с гордостью говорила она мне шестилетнему, и я понимал, о чем это она.

Тринадцать аборт – это вам не хер с маслом, а отвяз по жизни.

Она помнит меню ресторана «Ласточкино гнездо» полувековой давности, когда ее украл и увез в Крым коммерческий директор клуба «Спартак». Она шила для игроков форму, а он, на свою беду, встретился с ней на долю секунды глазами – и пропал мужик.

Сбежал из жизни в сказку, прихватив только самое необходимое – деньги и Марию с дочерью Светланой.

Шампанское «АбраДюрсо», пацаны *****, это вам не «Ив Роше» из воды, спирта и ароматизаторов.

Этому западному пойлу место в корыте для свиней, то есть для вас, пацаны и пацанки.

Первый раз маму Светлану контузило в четыре годика, в центре Москвы, на Большом Каретном переулке.

В соседний дом попала бомба немецко-фашистских за-

хватчиков. Ихних воздухоплателей, из той породы, что на аэропланах летают и страшно жужжат. Были у них всякие подлые приемчики. Бочку, например, из-под авиационного бензина с аэроплана скинут, она воеет страшно. Все внизу боятся, а эти воздухоплатели наверху жужжат и посмеиваются. Но наши славные зенитчицы-комсомолки давали им просратья.

Маму Свету швырнуло взрывной волной на одиннадцать метров в соседнюю комнату. Ее рвало, и она горько плакала.

Было обидно и одиноко. В небе жужжали фрицы, а на полу вкусно хрустело оконное стекло. Все подруги и ихние родители и близкие накрылись ***** в бомбоубежище. От них остались только кроваво-пыльные тряпочки.

А тебе, пацан, нужны эти тряпочки вместо близких? Будет тебе, фриц, новый Сталинград!

Только уже на Рейне – Великой Русской реке. Мы снова будем насиловать немецких девочек четырнадцати лет в берлинских подвалах, как в 1945 году весной, когда набухали почки сирени и девичьи стоны перемежались трассерами ППШ в мертвое арийское небо. А над Россией небеса отражаются в живой воде.

Мы будем убивать ваших немощных мужчин. О, эти отвисшие животы и дряблые арийские задницы, пустые груди. Пиво, слишком много пива, боши! Оно вредит любви. Ваши члены – сосиски по-франкфуртски. Обкусанные.

А еще мы сложим костры из Гете, Гейне и расово нечи-

стого Гофманстала, партитур Вагнера и Штрауса.

О, «Сказки Венского леса». Помни Марну, Арденскую мясорубку и речушку Ипр. Воспитывай волю к победе и любовь к поражениям.

И мы будем пить водку жадно, из котелков. Водкой трудно утолить жажду.

И все это при свете костров из ваших ненужных более никому книг. Немецкий, латынь и греческий – красивые мертвые языки.

Их будут изучать в университетах русские парни и девушки. И мучительно сдавать сессию. Дрожать и бояться.

Вдруг Фауст достанется. А его и найти-то нельзя. Фауст, где ты? Нетути Фауста! Вышел весь в дым мертвого немецкого неба.

А у тебя, пацан, встанет на четырнадцатилетнюю испуганную белокурую фройлен, с розовыми сосками из-под разорванного батистового платья и ***** в рыжих и мокрых завитках волос? А у меня встанет, и не один раз! Чтобы ей, суке немецкой, жизнь медом не казалась.

Помни маму Свету и Сталинград!

Дмитрий Невелев

Заметка в газете «Лимонка» №33. Февраль 1996

Хотят убить «ЛИМОНКУ»

Утром 12 апреля директор «Картолитографии» капитулировал и известил Лимонова о том, что печатать газету он больше не может. В ночь с 11 на 12 апреля был арестован на улице ответственный секретарь «Лимонки» Дмитрий Невелев. Его обвинили в хранении и ношении оружия: при нем был нож.

Как-то совсем не верится, что за одни сутки запугали директора «Картолитографии» и кинули в камеру ответственного секретаря «Лимонки» и что все это – совпадение.

Эдуард Лимонов

18 апреля 1996 года

Газета «Лимонка» №37

Свобода

*По утрам, надев часы,
Не забудьте про трусы.*
Андрей Вознесенский

Шесть утра.

В настезь распахнутое окно врывается горький осенний ветер – запахи дыма, прелых листьев, дождя, навоза. В бело-голубом свете уличного фонаря серебрится кронштейн дюралья, воткнутый в красный столетний кирпич корпуса. Переливаются оттенками от алого до цыплячье-желтого рассыпанным и забытым пазлом листья клена по аквамариновой зелени коротко, словно новобранец, стриженного газона. Белый, покрытый известкой поребрик прочертил, настаивая на Лобачевском, линию, разделяющую живопись импрессионизма на полотне газона и темные, тициановские тона асфальта, подсвеченные голубыми мазками луж, в которых опрокинуты освещенные окна здания напротив. За ним – перламутровая полоска зари, а дальше, кажется, рукой можно достать, если бы не решетка на окне, – мрак ночи, в нем спрятанная от нас свобода. Я дышу ее воздухом каждое утро.

Часто мне кажется, что эти деревья за бетонными плитами забора с колючей проволокой поверху – декорации. Что нет никого снаружи. Мир исчез, погиб в катаклизме или

кончается прямо у ворот проходной. Что мы – это ковчег спасшихся от катастрофы, не самых лучших представителей человечества, но единственно выживших и дрейфующих в Мировом потоке в ожидании, пока Господь смилостивится и откроет чистую, умытую от грехов и ненависти, отчаяния и страха, ужаса и жестокости землю. Схлынет вода, обнажит твердь, и мы, очищенные страданием и неизбывным ужасом собственного существования, робко, еще не веря до конца в свое освобождение, пробуя ногами слегка слякотную глину, сойдем с ковчега на райскую Землю.

Планету добра, радости и счастья.

Так оно и будет.

28 сентября 2010 года

Село Троицкое

Психбольница №5

Воины света и почитатели тьмы

Сегодня День Умаления Наболевших.

Нельзя чесаться и ходить в гости.

Герман Виноградов

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, излечи мою бедную больную голову, сделай так, чтобы меня признали дееспособным, и даруй мне два миллиарда долларов», – молится Михаил, молоденький щупленький парнишка с подвижным лицом, на котором выделяются огромные глаза. Каждое утро и каждый вечер он подходит ко мне с молитвословом в руках и, кротко потупив голову, просит: «Сергей, помолимся Господу вместе, такая молитва действенная». Я не отказываю, Михаил просит изо дня в день одно и то же. Когда я спрашиваю его: «Михаил, а почему два миллиарда долларов, а не один?» – он неизменно отвечает, что один он намерен потратить на постройку церкви по всей России, а второй с чистой совестью оставить себе. Так сказать, фифти-фифти с Господом. Плюс исцеление, неплохой прибыток, учитывая, что тратится на достижение целей всего десять минут в день – именно столько занимает молитва.

«Господи, исцели мою больную голову и пошли мне два миллиарда долларов», – снова шепчет сосед по палате Михаил. Он добрый парень, это видно по серым русским гла-

зам; иногда, когда он сильно злится, они становятся зелеными и колючими, будто рассыпанное на песчаной речной косе бутылочное стекло, затаившееся в ожидании босой ноги беспечного купальщика. В такие минуты я ни о чем его не спрашиваю и не подхожу вовсе.

Сегодня глаза серые.

Десяток иконок на любой случай в тумбочке у этого парня. Николай Угодник – это за путешествующих молиться, святитель Пантелеймон – о себе болящем просить, об избавлении от душевных и телесных недугов, икона Богородицы «Неупиваемая чаша» – это просить избавления от алкогольного, наркотического зла, да и от курения – этого фишама тому, чье имя не произносится.

«Помоги нам, Невеста Невестная, Благодатная Мария, Благословенна ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших», – продолжает Михаил. Михаил сидит в больнице второй год за то, что не уплатил алиментов бывшей жене – пятьдесят тысяч рублей. Дочка растет у него, скоро во второй класс пойдет. Сам Миша, по выходу из больницы, собирается пойти послушником в монастырь, а затем постричься в монахи. Это часто тут случается – многие или в монахи хотят идти, или дом в деревне купить и хозяйство завести – кур, уток, кошку, корову и мотоцикл. Не в этом порядке, так в другом: женщину лет за сорок, мотоблок, кур (это обязательный элемент мечтаний), клубнику и картошку.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, излечи мою бедную больную голову, сделай так, чтобы меня признали дееспособным и даруй мне два миллиарда долларов», – повторяет Миша раз за разом, полагая, видимо, что Господь глуховат.

Аминь.

Миша замолкает и, коротко печально вздохнув, отворачивается от меня – виден только его коротко стриженный мальчишеский затылок. О судьбе оставшегося миллиарда он умалчивает и правильно делает, должна же быть у человека свобода воли. Господь тем и отличается от главного Фантазера (так иногда Сатану именуют), что дает человеку эту свободу со времен сотворения мира, надеясь, что мы ее во благо использовать будем.

Мой приятель Михаил – добрейший, светлейший человек, бывший прислужник храма, молится с утра до вечера, делится буквально последним со всеми, кто ни попросит. Его духовник из Астрахани, небогатый сельский батюшка из бедного прихода, к тому же обремененный многочисленным семейством, находит возможность посылать ему ежемесячно сладости и духовную литературу.

Вот Владимир – мужичок средних лет, положительный, семейный, воцерковленный, во всем полагающийся на волю Божию. Молился, работал, выйти надеялся поскорее, хоть и не первый раз очутился здесь. Когда перевели его в реабилитационное отделение, говорил с радостью: «У меня един-

ственная надежда и защитник – Господь наш Иисусе Христос, все, что Он ни делает, все к лучшему». Из реабилитационного, по общему мнению, за год-полтора можно освободиться. Не прошло и трех месяцев, как мы узнаем, что у него ВИЧ диагностировали при плановом анализе крови. И переводят его уже в инфекционное отделение. Из него выписка, наверное, еще быстрее. Поступлений туда много, а само отделение маленькое.

Не зря опытные духовники нередко предостерегают – не проси Господа: Он ведь может твои желания и исполнить. Но не совсем так, как ты это предполагал. В силу присущего только Ему чувству юмора, доброго, как и все, что исходит от Него, но уж больно неисповедимого, на мой вкус.

Вот Влад, он постоянно на связи с дьяволом из самого ада, которого фамильярно именует Степанычем. Я к Владу внимателен, не смеюсь и не издеваюсь над ним, как прочие. Он это ценит и благодарит, как умеет, – то конфету сунет, то новостями из преисподней поделится свежими. Кто с кем в ссоре, за что война там сейчас идет и чего в мире ждать приходится. Сатанистов в больнице – тайных и открытых – едва ли меньше, чем христиан. Разница между ними существенная, один вообразил себя Архангелом Гавриилом и соседа живьем сжег, другому дьявол велел с родной матерью расправиться.

Вот один, по прозвищу Директор, утверждает, что был капитаном ФСБ, демонстрируя в качестве доказатель-

ства скверного качества ксерокопию удостоверения. Сидит за убийство экстрасенса. Он очень хотел возглавить ФСБ, но, не найдя разумного способа достижения этой цели, решил напрямую обратиться к Сатане, вполне справедливо полагая, что это именно в его власти – назначать и смещать руководство такого учреждения. Сначала он пытался выйти на него самостоятельно – рисовал по чернокнижнику Папюсу затейливые пентограммы, зажигал свечи и под «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера» завывал «Отче наш» наоборот, но, поняв тщету своих усилий, обратился к «решале» в этой области – ясновидцу. Тот обещал ему устроить должность директора ФСБ в течение года. Деньги были заплачены. Год ожидания прошел быстро. Медиум и думать забыл о странном клиенте, который не замедлил появиться и, не получив ожидаемого, попросту зарезал незадачливого оккультиста. Ну и сидит теперь, бедолага, с утра до ночи крестится, грехи замаливает, а когда не видят и не слышат его – тайком Светозарному молится, не оставляет его надежда, что исполнит он свое обещание. Всем рассказывает, что у президента в столе лежит приказ о его назначении директором ФСБ, только время еще не пришло. А когда придет, к воротам больницы кортеж подадут с мотоциклистами. Пока занят тем, что тюрьму особую проектирует. Куда своих недругов на пожизненное заключение по выходу определит. Рацион питания составляет. Так, чтобы с голоду не умерить, но и есть это было бы невозможно. И так десятый год подряд.

То есть одни воины Света, а другие, соответственно, – читатели Тьмы.

Лечат их здесь одинаково.

19 декабря 2012 года

Село Троицкое

Психбольница №5

У каждого свои недостатки

*Моногам, стереогам часто поднимают гам,
Моногам стереогаму морду бьет по четвергам,
Тот родного моногама
Нежно гладит по рогам...*

Вера Полозкова

Мой сосед по палате – энергичный, средних лет коротышка с живыми, полными страдания тайными глазами расхаживает взад-вперед по палате и громогласно вещает:

– Я ему ногой по яйцам – раз, он согнулся, а я легонько так под коленки подсек, он и осел на пол камеры. Тогда я ему в бубен с ноги – он головой о стену – кровяное из носа – как из поливальной машины.

Сосед, его зовут Максим, останавливается, переводит дух и продолжает:

– К стене его прижал, хер вытащил и по губам его, по губам пидару этакому, а потом обоссал его.

Максим продолжает расхаживать, его жесткое лицо озаряется при этом воспоминании неожиданно детской улыбкой, и он завершает рассказ:

– Трахали его всей хатой. Он, пидор, молчал, только руками в стену упрется и ну штукатурку ногтями скоблить, петух гребанный.

Я понимаю, что сегодня интимных воспоминаний больше

не будет, и долго лежу в полудреме, рассматривая потолок.
Он весь в пятнах и трещинах. Мыслей нет вовсе.

15 июля 2013 года

Село Троицкое

Психбольница №5

Новая топонимика

*Увидеть и систематизировать то, чего нет, —
Вот достойная задача для пытливого ума!*

Герман Виноградов

Я забыл фамилию знакомого, плохой знак. С возрастом память слабеет. Мозгу необходимо давать работу, и чем старше становишься, тем больше ее должно быть. Так я считаю, поэтому изучаю английский язык, учу по утрам молитвы на церковнославянском, стихи от Омара Хайяма до Иосифа Бродского.

Вычитал в The Prime Russian Magazine, что есть профессионалы в области запоминания – мнемонисты, в частности один русский, известный в литературе как Ш. и описанный Лурией, Выготским и Леонтьевым. Так вот, эти мнемонисты (их умения во многом основаны на приемах, известных со времен Древней Греции), речь, которую надо запомнить, соединяют мысленно с пространством. Ш. (фамилия его была Шерешевский, ее по обыкновению раскрыли после смерти), который выступал с мнемоническими трюками на эстраде, когда ему давали бессмысленный набор букв для запоминания, мысленно расставлял их по улице Горького. Эта идея (или прием) мне понравилась, а идеи, которые мне нравятся, я сразу использую.

Хожу по коридору отделения по утрам из конца в конец, учу молитвы. Тексты сложные, но особой, странной красоты. Особенно «Молитва Честному Кресту»: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога». Или ко Святому Причащению кондак, где Иисуса Христа называют Начальником тишины. Поначалу вокруг своего дома строчки молитв мысленно расставлял, в подъездах, окнах друзей, магазине у перекрестка. Работает метод отлично. Молитвы учатся не сказать чтобы легко, но учатся.

А через месяц к стихам приступил. Начинаю с Пушкина, и окрестности моего жилища в Москве просто роятся от всевозможных фраз. Буквально шагу ступить нельзя. Стал я строки стихов к шкафам, дверным и оконным проемам, банкеткам, столам обеденным привязывать мысленно.

Учатся стихи замечательно. Мандельштам, Пушкин, Губерман – все отлично идет. И вот прогуливаюсь по коридору, мимо палаты номер семь, а в голове пушкинские строки возникают:

*Не каждого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.*

Оглядываю лица людей, лежащих на кроватях – верно, они явно не любимцы фортуны. Потом сознаю, что строки повсюду – иду к туалету мимо процедурного кабинета, смотрю

рю на него, а в сознании всплывает, как атомная субмарина с километровой глубины:

*...а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить...
И глядь – как раз – умрем.*

В столовую захожу, смотрю на первый стол, и отчетливо четверостишие возникает Губермана Игоря:

*Господь – со мной играет ловко,
а я – над Ним слегка шучу,
во вкусу мне моя веревка
вот я ногами и сучу.*

Тут я несколько оторопел, оглядел столовую – в ближнем ко мне окне было:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
На двери железной в другое отделение:
Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой...*

Бросился журнал перечитывать, теперь внимательнее. Оказывается, этот Шершеневич, он всю жизнь страдал. Эта чрезмерная память его мучила – это была его трагедия. Он ничего забыть не мог.

И вправду, представляю себе окрестности своего дома, они просто набиты фразами на церковнославянском. Скажем, заходишь (мысленно пока) в магазин «24 часа»: налево – прилавок с фруктами, над ним надпись (так же вообразаемая) висит и мерцает неоновым светом «И в Духа Святого, Господа животворящего», прямо – консервы разные от кабачковой икры до сайры в масле, там следующая фраза «Иже от Отца и Сына исходящего», левее, где пиво – Иже со Отцом и Сыном Споклоняема и славима», правее, где хлеб – «Глаголавши пророки».

Тихий ужас.

Аминь.

Ш. в конце жизни научился забывать, нашел он команду, которая информацию из мозга стирала. Я пока нет. Но к тому, что отделение хорошими стихами набито, привык. Хожу по коридору больничному, и там, где все видят банкетку с парой олигофренов, за ручки ласково держащихся – я строчку из Манделъштама созерцаю:

И печальна так и хороша

Темная звериная душа...

Отлично. Главное норму знать. Это во всем необходимо. Так нас на лекциях по античной литературе гениальная старуха Кучборская учила. Я запомнил.

27 декабря 2012 года

Село Троицкое

Психбольница №5

Океан времени

*А я иду такая вся, в «Дольче Габбана»,
Я иду такая вся, на сердце рана,
Слезы душат-душат, я в плену обмана,
Но иду такая вся, в «Дольче Габбана».*
Верка Сердючка (Андрей Данилко)

С утра и всю ночь идет снег.

Кусочек серого неба, видимый с койки, напоминает экран телевизора, включенного на канал без трансляции. До подъема остается около часа, и я разглядываю стену, выкрашенную зеленой краской, всю в трещинах и разводах. Неприличное слово, прочерченное чем-то острым. Выше, под потолком, горит 25-ваттная лампа накаливания – «ночник»: свет в больнице на ночь не выключается. Больные спят, кто ничком, трогательно положив голову на сложенные, как для молитвы, руки, кто свесив голову с кровати и полуоткрыв рот, так, что липкая и тягучая ниточка слюны вытягивалась до замызганного линолеума пола. Разных размеров пятна и трещины на стене складываются в картины, подобно узорам на майке психотерапевта из рассказа Брэдбери «Человек в рубашке Роршаха». Я вижу в них сказочных животных, тропические джунгли с роскошными цветами, тянущиеся до самого горизонта, голубоватые горы с заснеженными вершинами, а вот это черное пятно – лицо миловидной де-

вушки, явно африканки.

А за окном идет снег.

Время, милое время, у меня его бездна. Я представляю себя песчинкой на дне огромного океана времени, и мне очень нравится, что до подъема без малого час. Сосед справа громко выпускает газы, кашляет, отхаркивая, и сплевывает на пол желтый сгусток мокроты. Через несколько секунд накрывает волной удушливой вони.

В эту зиму нас закармлили капустой во всех видах. Пахнет эта еда омерзительно еще до ее переваривания, от переработки желудком запах, конечно, не улучшался.

Снег за окном вовсе не напоминает мне о вечности, Боге, тщете всего сущего и еще о сотне вещей, как герою романа Орхана Памука. Это обычный, серее серого, подмосковный снег, от жемчужного до маренго там, куда не достает свет от ярких фонарей больничного забора.

На прикроватной тумбочке лежит сборник Льва Толстого с любимым рассказом «Смерть Ивана Ильича». Каждый раз, доходя до момента, когда сослуживец покойного поправляет ему одежду, и труп издает громкий звук, я ужасаюсь безобразности и неприглядности смерти. Или в «Казаках», когда друг главного героя отгоняет заскорузлыми пальцами мотыльков от лампы, приговаривая: «Дура! Сгоришь, дурочка, вот сюда лети, места много».

Вчера, ближе к обеду, в отделении крикнули: «Пять человек ящички таскать!», и вскоре небольшая «телевизионная»

комната наполнилась картонными коробками из-под молдавских вин, загадочных продуктов под маркой «Невская сушка», явно очень тяжелыми и тщательно перевязанными капроновыми веревками.

Больные столпились у ящиков, гадая, что там может быть внутри. Медсестры принесли ножницы и, выгнав больных, поскольку ножницы колюще-режущий и, следовательно, опасный предмет в клинике для душевнобольных преступников, быстро разрезали веревки и принялись доставать из ящиков пачки книг и раскладывать их на полу. Это было сокровище. Для меня.

Сотни книг в разнообразных переплетах, с позолотой, красные с серебряным тиснением, многообещающие собрания сочинений: зеленые – Тургенева, голубоватые – Чехова, матерчатые лиловые тома Дюма и Дрюона, дымчато-лазоревый – Есенин и темно-синий – первый советский Мандельштам, настоящий клад. Самые бойкие больные, когда персонал спрятал ножницы, принялись перебирать книжки, сортируя их то ли по размеру, то ли по цветам переплетов, и откладывая себе понравившиеся. Я, не задаваясь мыслью, откуда все это богатство, погрузился в рассматривание и перекладывание книг, пытаюсь понять, что мне взять. Хранить в тумбочке можно только одну. Так что выбор был делом важным. Перебрав сотню книг, я отложил «Три мушкетера» Дюма и томик Льва Толстого. Подумав немного, вернул развлекательного и легкого Дюма, остановился на яснополян-

ском графе.

Весь вечер, после ужина, подвинувшись поближе к окну, из рамы которого немилосердно дуло (но лучше холод, чем вонь), читаю, время от времени глядя поверх обложки на падающий снег. К ночи снег так завалил окно снаружи, что в крохотном боксе палаты стало тепло: ветер уже не так задувал с улицы.

Затем, после очередного окрика постовой медсестры, я кладу томик на тумбочку, скоро и легко засыпаю. Снится, что с женой бреду в резиновых сапогах по песчаному берегу вдоль реки. Вода в реке прозрачная настолько, что видно каменистое дно с разноцветными камнями, поросшими длинными спутанными зеленовато-бурыми водорослями. Из-за поворота реки вверху по течению показывается удлинненное тело. Сначала я думаю, что это огромный сом. Но животное приближается, и я вижу голову, очень похожую на голову китайского дракона с миниатюры, которую я когда-то разглядел в книжке, но она, в отличие от миниатюры, как-то диковато реальна – кожа рептилии лаково-блестящая, с чешуйками зеленого сверху, ярко-голубого на шее, и желтого цвета на брюхе. Секунду, когда животное слегка покачнулось на излучине, темно-коричневые агатовые глаза с золотыми блестками по ободку и вертикальными черными зрачками, яркая алая пасть с раздвоенным языком багрового цвета, выпуклые ноздри и, главное, тяжелый запах из этой пасти протухшей рыбы, гниющих водорослей, переваренной капусты –

на секунду морской змей устремляет на меня тяжелый немигающий взгляд, затем, легко для такой туши, скользит вниз по течению, изгибаясь всем телом, и я ясно вижу островки изумрудно-зеленой травы у него на спине, выросшей из почвы, которую он несет на себе.

Жена протягивает руку, и я вижу, что вслед за ним скользят в прозрачной воде еще три создания – миниатюрные копии большого – и исчезают за поворотом реки, впадающей где-то там за горизонтом в великое море.

Я просыпаюсь с ощущением, что побывал в реальном мире: цвета, запахи, ощущения сыпучего песка под ногами, лицо жены, глаза диковинного животного – все было зримо, ярко, четко.

За десять минут до подъема я беру томик Толстого и открываю наугад. Попадается сцена убийства «немирного» чеченца. Вскоре по спинкам кроватей стучат связки санитарских ключей – так здесь поднимают заспавшихся от тяжелых нейролептиков больных.

– Тигунов, вставай! Поднимайся, кому говорю! В «надзорку» захотел, на уколы? Совсем обнаглели? Тут вам не санаторий! – вопили на разные голоса медсестры, расталкивая спящих.

После завтрака пришедшая смена зарывается в библиотеку и принимается отбирать книги для себя. К вечеру следующего дня все хорошие книги разбирают по домам санитары и медсестры.

Как выясняется, эта типичная библиотека советского интеллигента была привезена из Москвы родственниками тихого дедушки-хроника, отписавшего свою квартиру племянницам. Видимо, выбрасывать было жалко. В отделении остались книги про Великую Отечественную войну и пионеров-героев. На моего Льва Толстого так облизывается одна медсестра, что приходится его подарить. За это она на ужин накладывает чуть больше печенки в тарелку. А книжка ей понадобилась для дочки: та уже в следующем году в школе будет это проходить по литературе.

Я же смотрю на падающий снег, со мной мои трещины и пятна на потолке, и океан времени, в котором я – всего лишь песчинка на дне.

7 ноября 2010 года

Село Троицкое

Психбольница №5

Мертвые души

Полюби нас черненькими,

А беленькими нас всякий полюбит.

Н. В. Гоголь, «Мертвые души»

Вечером Саша Черномашенцев, по прозвищу Фашист, заехал с двумя милovidными девицами. Одна – филолог, дочка полковника ФСБ, с которым у Саши дела, вторая – практикующий психоаналитик. Девки бухие, с целой сумкой шампанского и настроены веселиться, а Саша мрачный. Спрашиваю: «Кто настроение испортил?» «Да, – говорит, – от работы устал, завидую тебе: у тебя спокойная, интересная жизнь. А у меня день на день не приходится. Обычно тихо справлялся, но вчера клиент семейный оказался. Уже в лесу у костра фотокарточки детей показывал, растрогал почти до слез, дали письмо жене написать». Саша сейчас опять полностью меняет состав команды, крутится как белка в колесе, выматывается. А когда деньги легко доставались? Машины на первые деньги купил неприметную для работы – бордовые «жигули» пятой модели, а друзья ему пальто модное кашемировое до пят подарили вкладчину. Саша росточка небольшого, лицом и повадками схож с молодым Муссолини, и в этом пальто, когда вертится, его мне показывая, выглядит очень комично. Для статуса официального числит-

ся начальником службы безопасности КТР (Корпорации Тяжелого Рока), концерты «Коррозии металла» охраняет. Грузит на любые темы виртуозно. Человек неподготовленный на второй минуте «плывет» и «делай с ним, что хошь».

Через полчаса Саша с психоаналитиком уединились, а я с филологом остался. Шампанское мне так в голову ударило, что я никак не мог запомнить, как девушку зовут. Раз десять спросил, потом решил для верности записать и бумажку рядом с подушкой положить, чтобы подглядывать, когда понадобится. Но тут пришла психоаналитик и сказала, что только посмотреть. Смотрела она несколько минут, потом не выдержала и стала советы давать. Потом и вовсе показывать, как, по ее мнению, надо. Научный метод демонстрировала в действии.

Утром, только уехали гости, позвонил Федор, патологоанатом и вольный художник, координатор какой-то мелкой нацистской партии. Жаловался, что американские евреи перестали давать деньги на русский фашизм. Раньше, мол, Алла Гербер распределяла, понятно, что большую часть себе, но и нам перепало. Мы газеты им со свастиками отправляли для отчета, и все были довольны. А сейчас приходится по госструктурам побираться. А у них только деньги на оперативные расходы, им самим едва на выпивку и шлюх хватает. Полная жопа. Лера еще третьего дня приболела, Новодворская. Сейчас с ней жена Юры Бехчанова, идеолога из ФНРД сидит, ее подружка. Тешит старушку, за лекарства-

ми и продуктами ходит.

Вспоминаю супругу Бехчанова, видел ее на шабаше «Церкви Белой Расы», с жертвоприношениями все было, сожжением большого деревянного креста, упертого с кладбища и круговой чашей крови из церковного кагора, все, как полагается у приличных людей. Симпатичная крошечная девушка, куклусклановский колпачок ей идет. Похожа на Снусмумрика, персонажа из книг о «Муми-троллях» Туве Янссон.

Днем заезжаю в Комитет по геополитике Госдумы к приятелю Андрею Архипову, мне для работы нужно сделать копию внутреннего телефонного справочника ГД. В свое время Архипов с Сережей Жариковым из ДК на даче Алексея Митрофанова в Валентиновке придумали ЛДПР. Хлебный проект получился. У Митрофанова кабинет большой теперь с тремя секретаршами в предбаннике, и Андрей на госслужбе в аппарате. Денег не очень много, но платят стабильно, и медобслуживание Андрей хвалит – хорошее. Архипов сидит – мучается, очередную «мульку» выдумывает. Так он называет забавные информационные поводы. Вроде того, что Жириновский утопающего мальчика спас и ему за это медаль дали. Идем в буфет завтракать, и там какой-то молодой парень, кажется, пресс-секретарь Зюганова, подкидывает идею. Андрей радостный убегает обзванивать агентства и газеты.

Вечером иду в Дом российской армии. Меня Александр

Маргелов пригласил, сын основателя ВДВ Василия Филипповича. Отцу 90 лет исполнилось, вчера на Новодевичьем у могилы отмечали, а сегодня в узком кругу. Я с Маргеловым поговорил, и он Рашицкого позвал, зама баркашовского из РНЕ. Им выходы на армию нужны – стрельбища, базы тренировочные, а армии могут пригодиться, ну, как бы это покорректнее выразиться, а, ну да, пассионарии – не всегда удобно своими руками работать. Главком Шпак произносит торжественную речь и предлагает помянуть погибшего сегодня в Таджикистане солдата из 201-й дивизии. Рюмка в ручище двухметрового Александра Рашицкого, как наперсток. За час Рашицкий выходит в фойе раз десять звонить Баркашову, чтобы тот решил – приезжать или нет, как всегда. И, как всегда, Баркашов не приезжает и все просирает. Когда подвыпившие дряхлые генералы, оживившись от водки, начинают плясать на столе, Шпак тихо исчезает. Ухожу и я.

Вечером, в покойном кресле у окна под теплым светом матерчатого абажура перечитываю любимого Гоголя, поэму «Мертвые души». Нам в школе пытались вдолбить в голову, что эта книга – карикатура на крепостническую Россию, и даже помещиков по типам распределяли. Будто такие люди в реальности существовали, любили, страдали и обустроивали свою жизнь, как могли. А вот Владимир Набоков в своих лекциях о литературе совершенно справедливо утверждал, что любое литературное произведение – фантазия автора, и к реальной жизни отношения не имеет. А поэма Гоголя –

вовсе фантазмагория, как и мой рассказ, впрочем. Разве настоящие, разумные люди могут так жить и поступать?

Ночью, когда я уже спал, позвонил Саша Лаэртский и спрашивал, можно ли выйти из запоя, если на ночь водку с димедролом выпить? Я посоветовал с пивом. Херово с утра будет, но хотя бы проснешься. Потом мы часа два грандиозный творческий проект придумывали. Но, увы, я его так и не записал.

А все, что не записано – не существует и не существовало никогда.

Московская тетрадь

15 декабря 1998 года

Чума

*У меня был друг, его звали Фома,
Он забыл все слова, кроме слова чума*
Борис Гребенщиков

Разгар зимы. На улице холодно и ветрено. Весь день мы в отделении, и общение становится более тесным. По палате ходит от окна к дверному проему и обратно Петюня в сопровождении своего друга Колюни и вещает:

– К примеру, Троцкий, это такая революционная проститутка была. Он уехал в Мексику, и давай оттуда Сталина херососить – мол, урод он, жену свою Аллилуеву убил, Ленина отравил. Херососил, херососил, ну, Сталину это надоело, и он посылает кэжэбэшников под видом советских туристов, чтобы они его убили. Но Троцкий живет в охраняемом замке, как к нему попасть? Они, не будь дураками, притворяются экскурсией, – Петюня с удовольствием выговаривает это красивое иностранное слово. – И проникают в замок. Им показывают комнату за комнатой и, наконец, они добираются до залы, где сидит сам Троцкий, все выхватывают топоры и начинают его рубить – «Вот тебе за Сталина, херосос! Получай, гнида!» Троцкий, ты прикинь, выжил, сразу не сдох, а умер через неделю в страшных мучениях.

– Крепкие люди тогда были, – заключает Петюня.

Колюня с равнодушным лицом ходит рядом с ним, затем неожиданно подает реплику:

– Он такой пидор, я за него убрался, он мне три сигареты обещал, а дал две. Пидор конченный, пробы негде ставить.

– Кто, Троцкий? – удивился Петюня.

– Какой Троцкий? Художник наш, Стас. Я ему и то, и это, а он, пидор, даже покурить не оставляет, говорит: «Отойди, воняет от тебя», – гнет свою линию Колюня.

И Петюня, и Колюня – «чума» или «колпаки», так называют тех больных, которые несут всяческий бред. Их много, и они очень заметны.

«Чума» одновременно и источник раздражения, и источник радости для аборигенов и персонала. Вот один, спрятавшись в раздевалке для больных, встает зачем-то на весы и, поднеся к носу зловонную тапочку, самозабвенно мастурбирует. Вот другой, утащив из столовой свою порцию еды – котлету с картошкой, устраивается возле мусорного ведра в туалете и с довольным видом жрет, а закончив, он перебирает содержимое ведра, откладывает в одну сторону то, что может пригодиться, и начинает вылизывать коробки

из-под плавленого сыра «Виола», вытряхивать капли сока из пакетов, дожевывает чью-то заплесневелую булочку, огрызок яблока. Так ему нравится, так он живет.

Вот наворачивает круги в столовой, увлеченно жестикулируя, худенький мужичок средних лет со включенными волосами. Тридцать лет назад он убил свою мать, и с тех пор

у него не прерывается бредовое состояние. У него голоса, их несколько, это погибшая мать, некий дьявол по имени Степаныч, а также разнообразные вожди и пророки, включая Иисуса Христа и Иосифа Сталина. Все они находятся в недружественных и очень запутанных отношениях. В голове у бедолаги рождаются, живут и умирают целые миры, ведутся войны не только на земле, но и в раю, и в аду. Его жизнь можно назвать как угодно, но она точно не скучная. Вспоминаются стихи Даниила Дубшина:

*В перекидном календаре
закладочка оставлена
декабрь нынче на дворе
и день рожденья Сталина
Но то лишь холод декабря
Товарищ Сталин, знаешь,
Я тоже декабря дитя —
Твой по зиме товарищ.*

Вот еще один персонаж – Иван Алексеев с «Планеты Русских». Ребенком, как он уверяет, был оттуда похищен и усыновлен еврейской парой. Он здесь за то, что убил отца. Женщину, которая к нему приезжает, он третирует, как нелюбимую мачеху. Но медсестры говорят: фамилия его Кацман, а зовут его Илья, убил он своего родного отца – еврея, а ездит к нему несчастная родная мать.

Но некуда деваться, обязательно подойдет кто-нибудь

и многословно, путано с повторами и явными несуразностями начнет с пятого на десятое пересказывать содержание прочитанной сегодня газеты, телепередачи, излагать историю своей жизни в мельчайших подробностях с младых ногтей или желчно и истерично злословить о больничных порядках, обидах со стороны товарищей по несчастью. Это изматывает, поскольку, даже если всех банально посылать по известному и популярному тут адресу, то все равно не слушать того, что говорится рядом с тобой с утра до вечера, невозможно. И все это под «русский шансон» из двух-трех радиоприемников. Альтернатива – просмотр НТВ с криминальными программами с утра и до вечера. Как выражаются в таких случаях зеки, приложив два пальца к горлу, «это вилы!»

Тем временем Петюня с Колюней ссорятся. Колюня убежден, что именно Петюня убил Ленина, и часто попрекает его.

– Ты зачем, Петя, Ленина убил? – вопрошает он негодуя. – Что он тебе плохого сделал, украл у тебя чего или обидел чем? Злой ты человек, нехороший. Пожизненно теперь здесь будешь, такого не простят.

– Дурак ты, Колюня, – брызгает слюной Петюня, – как есть дурак. Ленина Троцкий убил, а не я.

22 января 2011 года

Село Троицкое

Психбольница №5

Зимняя прогулка (Русская зима)

*«Человек смертен» – таково мое мнение.
Но уж если мы родились, ничего не поделаешь —
надо немножко пожить...*

Веничка Ерофеев

*В это время, когда даже у занимающих высшие
должности*

*болит от морозу лоб и слезы выступают
в глазах, бедные титулярные советники иногда
бывают беззащитны*

Николай Гоголь, «Шинель»

Сажу на жесткой скамейке в коридоре, сиденье у нее узкое, так что края врезаются в ноги, спинка впивается в позвоночник. Но встать и походить не стоит и попробовать – банкеток и стульев в коридоре очень мало, и если уж посчастливилось занять местечко – нужно сидеть до обеда. Встать – значит моментально потерять место. Утром после обхода всех выгоняют из палат, сидеть и лежать на койках нельзя (исключая тихий час) до ужина. То есть с утра до вечера ты должен смотреть телевизор, или слоняться по коридору, а если повезет и найдется местечко, то сидеть на банкетке.

Напротив скамьи две двери – на одной надпись «Кабинет врачей», на другой – «Цейхгауз». Книг нет и я развлекаю себя месяцами тем, что составляю из букв этих слов

другие слова. Пока самое длинное слово, которое мне удалось составить – «карабинер». Я под нейрорептиками, очень сильными. Читать невозможно. Я упорно читаю одну книгу и за полгода одолел четырнадцать страниц. Необходимости в лечении нет, но наш врач, как здесь выражаются, «любит лечить». Мышление заторможенное, думать я могу только о простых вещах – еда, сон, испытывать лишь животное чувство тоски. Сейчас девять утра, завтрак был час назад, и я весь его съел – тарелку овсянки без соли и сахара на воде, хлеб с маргарином и кружку «чая», сильно отдающего кухонной грязной тряпкой. Но нейрорептиками, которые мне дают, усиливают чувство голода, я все время хочу есть и думаю о еде постоянно, вот и сейчас я сосредоточен на мысли о тарелке горячего супа. Возможно, мне удастся взять добавку, вторую тарелку супа. Мысль настолько соблазнительная, что у меня непроизвольно выделяется слюна, и я вытираю мокрые губы рукавом шутовской (зелено-красно-желтой) куртки – носового платка у меня нет. Но до обеда еще три часа, а пока прогулка. На улице февраль – сильный ветер и градусов пятнадцать мороза. На прогулку выгоняют всех, кроме тех, у кого температура. В маленькой подвальной раздевалке пахнет кошачьим дерьмом и невымытыми ногами. На стене ряд крючков, на них висят разной степени поношенности телогрейки, внизу – обувка. Точно в таких обносках ходили героини Солженицына и Шаламова. На большинстве ватников не хватает пуговиц, шарфов нет вовсе, мы же психически

больные, стало быть, склонны к суициду. Обувь вся вразнобой – разбитая, рваная, из копеечного заменителя кожи. Если поступает новая обувь – она рвется и приходит в негодность дня за три, много – за неделю. Наверное, какие-то особые фабрики шьют эти ботинки, фасоны фантастические. Какие наркотики ел тот человек, который придумал зимнюю обувку делать из обрешиненной ткани со множеством жестяных заклепок и цепочек? Я выбираю себе кирзовые боты – они без шнурков. Тяжелые, каждый ботинок по килограмму, не меньше, внутри немного войлока. На телогрейке, которая, к счастью, мне досталась, не хватает одной пуговицы сверху. Вспоминаю строчку из стихотворения давно умершего друга Глеба Кузьмина «Земля – пуговица на телогрейке Вселенной». Ангина обеспечена. Но у меня телогрейка – это здорово. Многим пришлось выйти на прогулку в синих легких синтетических курточках. Они тоненькие, предназначены для весны-осени, молнии на них давно сломаны. На таком морозе и ветре они не спасают ни от чего.

Натягиваю синтетическую серую шапку с логотипом «Найк». Тонюсенькая, из подобия капрона, она только изображает шапку. Стараюсь провести в теплом и вонючем подвале как можно больше времени. Я понимаю, что все равно придется выйти на улицу, на мороз и пронизывающий ветер, но оттягиваю этот момент, как могу. Все одеваются и по одному-двое поднимаются по лестнице. Минут через десять выталкивают на улицу и меня.

Яркий белый снег слепит – я зажмуриваю глаза. Лицо моментально немеет, начинает ломить зубы, как от родниковой воды в детстве, очень мерзнет шея и грудь, шапка «найковская» – что она есть, что ее нет. Нас считают на выходе из отделения и на входе в прогулочный дворик. Я шестьдесят пятый. Стою на пронизывающем ветру, запахиваясь плотнее, засунув руки в карманы – ни перчаток, ни варежек у меня нет. Пальцев на ногах я не чувствую. Думаю о горячей тарелке супа – серое, тусклое небо над головой – метет, с крыш корпусов сдувает порывами ветра снежное крошево, бросает горстями в лицо колючий снег, отворачиваюсь, поднимаю ворот телогрейки, мерзну, думаю о еде. Тепло – это счастье. Петр Вяземский совсем другую зиму описывал. Мне дела нет до тех, кто гуляет рядом со мной. Им до меня тоже. Закуриваю сигарету – становится на минуту теплее, но правая рука, которой я держу сигарету, моментально немеет, и я долго ее потом отогреваю под мышкой. Время тянется очень долго, нестерпимо медленно. Часов нет ни у кого – это запрещено. А персонал спрашивать о времени бессмысленно, поинтересуются в ответ: «А ты спешишь куда-то? Поезд твой уходит?» Кажется, что морозная прогулка длится часами, днями, я уже смирился с холодом и почти убежден, что меня просто хотят замучить до смерти, когда следует команда: «Домой!», и мы тесной гурьбой пытаемся все одновременно зайти в отделение. Раздеваемся, я негнущимися пальцами с трудом стягиваю телогрейку, сбрасываю

обувь.

Столовая, долгожданная миска супа – горячей воды с вареной капустой и несколькими кружочками плавающего на поверхности растительного масла. Вспоминаю рассказ «Один день Ивана Денисовича». Ем ложкой – заставляю себя, глядя как многие, схватив тарелку из нержавеющей стали обеими руками, пьют суп через край. Второй миски мне не достается – опережают те, кто пил через край. После обеда горсть таблеток, и я проваливаюсь в коматозный лекарственный сон без сновидений – тихий час.

День похож на день, год на год. Судьба на судьбу. Собственно жизнь как таковая уже прожита, то, что происходит тут, – полуживотное, полурастительное существование со слегка брезжащим осознанием того, что ты страдаешь, и этим страданиям конца не будет. За окнами, забранными решеткой, зимняя стужа и метель, красные корпуса больницы, дальше – бетонный высокий забор с колючей проволокой. За ним видны верхушки деревьев. Есть ли жизнь за этим забором? С годами начинает казаться, что там – пустота, ничто. А странная полужизнь в больнице – единственно возможное, единственно реальное и настоящее. Цветные картинки в телевизоре не превращаются в образы мира за больничными стенами, на этом экране улыбаются сексуальные девушки, уверенные в себе мужчины водят отличные автомобили, розовощекие дети с удовольствием едят шоколад и жуют жевательную резинку.

Я смотрю только рекламу – это единственное позитивное, что происходит со мной этой долгой русской зимой. Ну, может быть, еще тарелка супа в полдень, если он горячий.

24 ноября 2009 года

Село Троицкое

Психбольница №5

Бег

*Мне снился сон.
По улице тишком
Моих друзей штрафные батальоны
Шли брать почтампт,
А я скрывался там
За наименьшем собственного дома
И делал вид, что сплю.*
Дмитрий Барабаш

*– Есаул, у вас душа болит?
– Нет, ваше превосходительство, душа
не болит. Зубы болят, вот. Застудил...
Из фильма «Бег»*

Две недели есаул Князев, который у меня живет, уговаривает «подламывать» уличные палатки. Ему срочно нужны деньги для организации Сибирского съезда казачества. Его за этим из Омска в Москву и послали. Деньги все обещают, но никто не дает. Генерал Стерлигов жалуется на безденежье, Сергей Бабурин дал двести тысяч в долг и все.

Есаул – герой октября 1993 года. Газета Штильмарка «Черная сотня» посвятила ему пять полос в специальном номере. «Казачи в Белом доме», кажется, называется. На второй день жития у меня он совершенно взбеленился – достань ему женщину, и все тут. У него, мол, любимая жена есть,

но он уже четыре месяца верность хранил:

– Димка, – хрипит он, – сперма уже к горлу подступает, спермотоксикоз. Мне манда нужна. Но не проститутка, денег нет. И не шлюха, я их не уважаю. Приличная девушка нужна. Как ты думаешь, если я ее уговорю в рот взять, ситуацию объясню, это не будет сильной изменой жене? А трахать я ее не хочу – это точно измена. Собирайся, едем.

«Погоди», – говорит есаул и куда-то звонит с моего домашнего: «Володька, то есть, товарищ подполковник, привет, это Князев! Там вчера на Варшавском кто-то гранату под „бумер“ с четырьмя быками закатил. Ты не слишком ищи, ладно?» Из трубки слышны крики «Мудак ты Князев! Мудак!» Ну вот, отзвонились – отчитались, – с довольным видом говорит Князев. – Теперь можно и личной жизнью заняться.

Есаул с трудом натянул мою кожаную куртку и вытащил меня в центр Москвы, на Арбат. У меня разболелся застуженный весенними сквозняками зуб, и я был погружен в эту толчкообразную горячую боль, каждые два часа глотая аналгин. Есаул страшен как смертный грех – плоское бурятское лицо, глазки-буравчики и тонкие китайские усики. Впрочем, он утверждал, что его дедушка был офицером японской Императорской армии в двадцатые годы. Отвислая задница, обтянутая моими же голубыми джинсами «Ли», видимо, досталась ему от бабушки.

Раза три мы продефилировали по Старому Арбату, пы-

таясь познакомиться с девушками. То есть с девушками я знакоблюсь один, есаул делает вид, что рассматривает матрешки на лотках уличных торговцев, нервно теребя усики. Но как только я произношу:

– А теперь я хочу представить вам своего друга, – указывая рукой на мгновенно багровеющего Князева, девицы в ужасе убегают, а есаул затейливо ругается матом и говорит: – Ничего, ничего, походим еще.

Не солоно хлебавши, бредем мы с осточертевшего мне Арбата в Александровский сад. Я убеждаю есаула, что в этом самом саду много скамеек, где, в ожидании мужественных красивых нас, уже второй час воздыхают девицы самых разных сортов.

В результате, мы встречаем «альфиста» с позывным Бешеный, он Князева в плен брал во время штурма Белого дома в 1993 году, так и познакомились. Капитан в новеньком полевом камуфляже и обмывает получение капитанских погон в гордом одиночестве. Рассказывает, что только вернулся из Минвод, куда их отправляли освобождать самолет с заложниками. А сейчас он в Кремле отдыхает – во внутренней охране Ельцина. Есаул его подкалывать стал:

– А что, твой Бенья Ельцын все ползает по коридорам, поддамши, или уже завязал?

– Да пошел ты на хер, Князев, – счастливо улыбается новоиспеченный капитан. И делится историей, что на днях надавал по щекам пьяненькой Кристине Орбакайте, когда она

после концерта в Кремлевском Дворце Съездов ломанулась в апартаменты президента.

Узнав о наших безуспешных поисках, Бешеный поддержал начинание. Мы идем к Могиле Неизвестного Солдата, и Бешеный разжигается деньгами у человека в милицейской форме на Посту №1, затем, закупив пива и усевшись на скамейку, они принимаются его хлестать. А поскольку я не могу к ним присоединиться из-за мучительной зубной боли, они отправляют меня вновь на поиски девиц, проинструктировав:

– Девушки всегда ходят парами, одна – красивая, другая – страшная. Ты трахаться не хочешь, поэтому сделай другу доброе дело – отвлекай страшную на себя, а Димка-есаул будет к симпатичной подкатывать.

Наконец пара девчонок-простушек с окраин, приняв мое искаженное болью лицо за лицо сексуально неудовлетворенного человека, соглашается попить с нами пива. И вот герои принимаются очаровывать девушек.

Капитан первым делом рассказал, как он собственноручно пристрелил нескольких омоновцев третьего октября 1993 года во время Переворота, то есть своих вроде, в Белом доме за то, что они добивали раненых девушек у пресс-центра.

Есаул в ответ поведал трогательную историю о раненной в живот медсестре. Она, дескать, прошла с казаками войны в Абхазии и Приднестровье, а четвертого октября в Москве

ее ранили в живот и изнасиловали, уже умирающую, четверо десантников.

Капитан развил тему, заявив, что он профессиональный убийца на службе у правительства. А специализация его – метание ножей и любых острых предметов.

Есаул подхватил обольщение тем, что рассказал, как они в Приднестровье нашли в роще лесопилку и среди окровавленных обрубков распиленных на части людей обнаружили двоих незадолго до этого пропавших казачат.

– Жаль, у меня с собой фотографий сейчас нет, они в Омске остались, – сокрушался он.

Затем подвыпившие джентльмены принялись горячо спорить о том, какая разновидность камуфляжа лучше, и втолковывать притихшим девушкам, что носить десантные ботинки – это, конечно, шикарно выглядит. Но дешевые кроссовки практичнее. Потому как если наступаешь на противопехотную мину в таких ботинках, то ноги отрывает по середине голени, а в кроссовках – только пятки срезает.

Естественно, девицы послали нас ко всем чертям, предварительно вылакав все пиво и съев воблу. Не помогли даже показанные есаулом фотографии Хайди Холлинджер. Вот есаул с пьяным вице-президентом Руцким в обнимку, вот пьяный путчист Илья Константинов с есаулом, и так далее.

Вечер закончился тем, что есаул, распрощавшись с капитаном, повел меня в гости к старику-геральдисту, который живет в огромной квартире на Старом Арбате.

Старик и его жена – баркашовцы. Антисемиты и негров не любят. У меня допытываться стали, считаю ли я черных недочеловеками. Я в ответ признался в нежной любви к «горячему черному джазу», Дюку Эллингтону и Луи Армстронгу. Супруга геральдиста, сильно навеселе, прослезившись, шепнула мне на ухо: «В молодости это были мои кумиры».

Вышли мы из гостей поздно, есаул был пьян в дым. Ко мне уже не успевали, и я решил ехать к Эльвире переночевать. По дороге, в метро, Князев все порывался кого-нибудь убить. Напротив нас сели два чеченца. Холеные лица, дорогие пальто кашемировые, галстуки. Он мне шепчет на ухо: «Подержишь одного секунд пять, пока я с другим справлюсь?»

– Зачем? – спрашиваю.

– Посмотри на два болта рыжих, по сто пятьдесят, – шепчет он.

Смотрю, действительно золотые перстни-печатки, массивные, не то с брильянтовой, не то с фионитовой осыпью.

– Убийство, – говорю, – грех смертный, это из тебя Сатана говорит. Молитву Иисусову читай.

Он успокоился на минуту, а тут вайнахи на остановке вышли, и мне полегчало. По дороге от станции метро до Эльвириного дома он орал посреди пустой ночной улицы: «Бей жидов, спасай Россию!», в ответ с одного из балконов донеслось: «Правильно, мужик!» Затем в ста метрах от дома он попытался выбить боковое стекло автомашины. Видите ли,

ноги у него устали, и он дальше ехать хочет. Отбив себе локоть, он принялся во весь голос материться. На звук сработавшей сигнализации машины появился муниципальный патруль. Первое, что сказал Князев:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.